

ЧЕЛОВЕК В ЗАКРЫТОЙ КОМНАТЕ

пьеса

Татьяна Загдай
schuklinat@mail.ru

ЖАННА

КОСТИК

ТРУП

СОСЕДКА

ПАТОЛОГОАНАТОМ

ПОЛИЦИОНЕРКА

САНИТАР

СОТРУДНИЦА КРЕМАТОРИЯ

1.

Пошарпанная квартира в старой трёхэтажке. В тёмном дальнем углу на кровати лежит Труп, накрытый простынёй. Жанна – яркая женщина в розовом меховом жилете с аппетитом ест пельмени за столом. Соседка в чёрном траурном платке время от времени вздыхает и вообще всем своим видом старается передать скорбь и сочувствие.

СОСЕДКА. Лицо у него такое ясное было. Прямо светлое, и морщины даже разгладились как будто. Рукой ко мне тянется и говорит: передай ей, говорит, что люблю её, мол, девочку мою! И улыбается чуть-чуть так, одними глазами! У меня календарь православный в кухне висит. Так вот он прямо как ангел с разворота на марте месяце! Улыбнулся так и ушёл наш Витенька! Люблю, говорит, девочку мою, Анечку!

ЖАННА. Да ладно врать-то, тётъ Маш! Он меня ни девочкой своей, ни Анечкой не называл никогда!

СОСЕДКА. Ну раньше не называл, а перед смертью, может, и опомнился. Может, я чего перепутала. Или не расслышала просто – здоровье-то не прибавляется!.. (Пауза). Я вот чего спросить хотела: ты телевизор-то в Москву заберёшь?

ЖАННА. Мы, тётъ Маш, в Москве телевизоры не смотрим - в интернете всё! Забирайте конечно!

СОСЕДКА. (Раздумывает) Да не, не сегодня! Не остыл он ещё! Витя-то наш.

ЖАННА. Ну телевизор смотреть уже вряд ли будет, да?

ЖАННА. Тётъ Маш, я вас попросить хотела с поминками помочь, ну и вообще со всеми делами... Мне просто завтра уехать надо...

СОСЕДКА. Как завтра? А похороны?

ЖАННА. А что похороны? Утром услуги ритуальные обзвоню – закажу всё. Они приедут-заберут, организуют. А работа в Москве, тётъ Маш, ждать не будет!

СОСЕДКА. Не по-людски как-то...

ЖАННА. Да вы не волнуйтесь: квартиру продам – в долгу не останусь.

СОСЕДКА. Дело твоё, Ань!.. Я за телевизором Костика пришлю. Он как раз и вас с Витенькой до райцентра довезёт.

ЖАННА. До какого райцентра?

СОСЕДКА. До нашего. На экспертизу.

ЖАННА. В смысле?

СОСЕДКА. Так фельдшер из скорой бумажку оставила. Молоденькая такая. Надо говорит, экспертизу судмед делать. В райцентр везти. Признаки, говорит, отравления и интоксикации. Надо криминал исключить! А какой тут криминал-то? Не ходил к нему никто, говорю! Накануне в магазин-стекляшку вон вышел, да заснул на пороге. Утомился человек! Жил один и помер один!

ЖАННА. Так, подождите! А скорая почему тело не забрала?

СОСЕДКА. Не наша, говорят, забота.

ЖАННА. Ну ритуальные услуги надо заказать, они и вывезут!

СОСЕДКА. Так они тоже в райцентре. В выходные не работают.

ЖАННА. То есть в выходные никто не умирает у вас?

СОСЕДКА. Ну стараемся, тянем до рабочей недели. Вон бабка Надя аж восемь дней пролежала на новогодние праздники! Так её в сарай положили – благо, мороз минус тридцать! Хоронили свеженькую! А если б на майские?

ЖАННА. Малая родина, блять! Всё через жопу!

СОСЕДКА. Да ты не волнуйся! Костик довезёт – он у меня в такси работает. Чего только не возил! И свиней на убой, и мигрантов без регистрации! В багажнике, правда. Ты ему денег дай побольше – сразу и сговоритесь!

ЖАННА. Были б деньги, я бы сюда и не сунулась!

Соседка достаёт из лифчика целлофановый пакет с купюрами.

СОСЕДКА. На вот, Витенька оставил. Когда драндулет свой на запчасти продавал – храни, говорит, Маша, а то пропью. Дочери отдашь – похоронит по-человечески. Как чувствовал!

Жанна разворачивает пакет, смотрит на купюры.

СОСЕДКА. Ты только, это... Косте моему деньги не показывай от греха подальше. Парень он хороший, но ненадёжный. Отцовская порода! Поняла?

ЖАННА. Ладно!

Соседка уходит. Жанна кладёт свёрток с деньгами в сумочку.

ГОЛОС ТРУПА. В трусы зашей!

ЖАННА. Чего?

ГОЛОС ТРУПА. В трусы, говорю, деньги зашей! Чего не понятно?

Жанна подходит к кровати, приподнимает край простыни, включает фонарик на телефоне, светит Трупу в лицо. Выключает фонарик. Показалось!

2.

Композиция №1. Хулио Иглесиас «Ностальжи»

ЖАННА. Я ненавидела его музыку. Когда он приходил пьяным, очень громко включал кассеты на магнитофоне. Мама пыталась закрыть окна, сделать потише, чтобы соседи не запалили, что папа сегодня опять пьяный. А то они не видели, как он у подъезда валяется! Больше всего отец любил Хулио Иглесиаса. Если на школьной дискотеке включали его песню, меня прямо физически тошнило! А в старших классах выяснилось, что у Хулио есть сын Энрике и он тоже певец. Его отец не слушал, но для меня это был ещё один Иглесиас! Хулио и Энрике – обоих ненавижу! Выключи!

КОСТИК. Я – меломан. Всё слушаю, от рэпа до рока. У меня переходы вечно такие: то Аллегрова, то Каста. Ну вообще всё, что хочешь. Меломан просто и всё. Нравится рэп в принципе, читанина эта. Что по душе нравится, то и слушаю. У меня же всё в женский пол упирается. И поэтому я всегда такие сопли слушаю. Сопли про любовь. Такую, неразделимую я бы даже сказал. Но я стараюсь всегда быть на позитиве! Улыбаться там, и всё такое.

3.

Тот же старый дом. Жанна снимает кроссовок, потом носок. Кладёт в него деньги из шуршащего пакетика. Пробует положить носок в лифчик, но размер груди маленький – видно. В трусы надёжнее! Обувает кроссовок без носка. В этот момент в комнату входит Костик. Рассматривает весьма привлекательный тыл Жанны.

КОСТИК. Ну привет, Анька!

Жанна вздрагивает, оборачивается.

ЖАННА. Не Анька, а Жанна!

КОСТИК. Это с чего это?

ЖАННА. Не твоё дело!

КОСТИК. Не понял. Чё, своих не узнаёшь?

ЖАННА. Узнаю.

КОСТИК. Ааа! Выросла - дерзкая стала? Люблю дерзких!

ЖАННА. Так, давай сразу без вот этого лишнего общения!

КОСТИК. Понял. Траур как месячные – дело святое!

ЖАННА. Короче! В райцентр тело отвезёшь?

КОСТИК. Без проблем! Тройной тариф - деньги вперёд!

ЖАННА. Это с какого тройной-то?

КОСТИК. Ну по логике, Виталий Семёныч теперь не пассажир, так?

ЖАННА. Ну!

КОСТИК. Значит, багаж! Плюс риски: жмур в машине всё-таки! При всём уважении...

Жанна интуитивно прижимает руку к животу, где под колготками сползает вниз носок с деньгами.

ЖАННА. Наличных нет!

КОСТИК. Онлайн тоже можно! По номеру телефона.

ЖАННА. В жопе вашей интернет через раз!

КОСТИК. В НАШЕЙ жопе, Анька Витальевна! Москвичкой стала - родину не уважаешь?

ЖАННА. В общем так: половину переведу, остальное – как доедем. Без вариантов!

КОСТИК. Ладно, забились.

Костик мнётся перед Трупом.

КОСТИК. Может, в ковёр или типа в целлофан его завернуть? Или как там в кино делают?

ЖАННА. Это зачем? Мы ж его не убили!

КОСТИК. Всё равно стрёмно как-то...

ЖАННА. Да нормально всё - он с документами! Грузи давай!

Жанна выходит из дома.

4.

Композиция №2 Гарик Кричевский «Мой номер 245»

ЖАННА. Не знаю, может это блатная романтика девяностых какая-то. Но шансона у отца было много тогда. В итоге я знала наизусть такие странные композиции, как «Мой номер 245, на телогреечке печать...» или «Жиган-лимон – мальчишка симпатичный...» Они как будто сидят у меня, знаешь, на подкорке! И я всё время думаю: почему я так хорошо помню тексты этих песен? Как-то, студенткой ещё, ехала в поезде из Москвы на юг отдыхать. А на верхней полке женщина шансон всю ночь громко слушала без наушников! И никто ей слова не сказал. А я в какой-то момент поняла, что наизусть знаю эти песни её блатные: «Хоп, мусорок, не шей мне срок! Машинка Зингера иголочку сломала! И понятых, полублатных, да и тебя, бля, мусор, я в гробу видала!» До сих помню. Вот зачем мне это?

КОСТЯ. У меня друг был хороший в деревне. И вот он связался с блатной романтикой, типа с ворами и вся хуйня. Встречаю его недавно - поздоровался просто. И он такой: о, блин! Дай цЕпочку померить! Я снимаю. Он: ну всё, ты подарил мне! Я говорю: в

смысле? Говорит: ну всё, типа, сколько она стоит? Я тебе ну на карту кину денег! Я говорю: Валь, ну ты это, притормози коня! Он такой: типа чё, драться со мной будешь? Я говорю: не, я просто заявление на тебя напишу и всё! Он мне такой: ты блять, мусорской? Я говорю: ну если ты так думаешь, пусть будет так. Ну и он злой такой мне протягивает вот так вот цепочку мою и на пол её роняет. Я такой раз, беру, наклоняюсь. Он меня: хуяк, толкает. С такой ненавистью толкает. Я падаю и думаю: ну всё, пизда тебе!.. Но ничё не делаю, просто беру цепочку и ухожу. Мне щас вообще нельзя ничё делать! У меня, блять, щас условный. Два года. Ну и понятно, что я не буду писать ничё! Чё я, в натуре мусорской?

5.

Костик и Жанна едут в машине. На заднем сиденье лежит Труп.

КОСТИК: А что щас с Россией происходит? Если адекватно на всё посмотреть, другим взглядом, да? Распил жёсткий идёт. Жёсткий распил идёт. Вообще пилят всё, что можно. А нам чего: ну войны нет и хорошо, чё там? Нормально! Всё классно! А цены? У нас же инфляции нету! Ты же в курсе, да? Её нету! У нас всё чётко, стабильно. Сейчас что у нас: доллар поднялся, евро поднялось до такой степени. А я думаю: чё-то, блин, произойдёт. По-любому! Ну что, я не прав? Ну серьёзно!

ЖАННА. А молча можно ехать?

КОСТЯ. Ладно.

ЖАННА. Спасибо.

Костик молчит пару минут, но его снова прорывает.

КОСТИК. Как ты вообще в Москве жила? Я б туда в жизни не приехал. Москва – это ужасный город. Серьёзно. Лично моё мнение такое, что там люди другие абсолютно. Там человечности нет. Её в принципе у нас нету. А там её даже вообще нету. То есть там каждый сам за себя, понимаешь? Это нельзя так. Мы идём просто к очень херовому вообще концу. Мы друг к другу стали относиться очень плохо. Вот раньше ничё такого не было.

ЖАННА. Раньше – это когда?

КОСТИК. Ну когда ещё меня не было. Было же такое!

ЖАННА. Ты-то откуда знаешь? Тебя же не было! Диванный психолог, блин!

ГОЛОС ТРУПА. Прав Костик! Суровые времена!

Жанна испуганно оборачивается. С ужасом видит Труп Виталия Семёновича, который, словно живой, удобно расположился на заднем сидении.

ЖАННА. Ты его слышал?

КОСТЯ. Кого?

ЖАННА. Назад посмотри!

КОСТЯ. Шутишь?

ЖАННА. Он мне подмигнул! Клянусь, только что!

ТРУП. Не подмигивал! Это рефлексы остаточные!

ЖАННА. Опять! Слышал?

КОСТЯ. Ты чего, Аньк?

ЖАННА. Останови машину!

КОСТЯ. Да ладно, не психуй!

ЖАННА. Останови – в багажник его закроешь!

ТРУП. Не полезу я в багажник!

Жанна хватается за руль.

КОСТЯ. Отпусти, дура! Убьёмся нахер!

ТРУП. Не дал Бог сына, блять!..

ЖАННА. Останови, я сказала!

Жанна, наконец, выкручивает руль, на полном ходу машина съезжает в кювет.

7.

Сумерки. Жанна нервно курит у обочины, кутаясь в розовый меховой жилет. Сигарета в её руке заметно дрожит. Костик осматривает погнутый бампер машины.

КОСТИК. Ну только напидорил ласточку мою! Пряма пацанский таз радует глаз! Ну на хера было руль-то хватать?!

ЖАННА. Не гунди, оплачу я бампер!

КОСТИК. Ясен пень, оплатишь! Поехали уже!!

ЖАННА. Я с ним в салоне не поеду! В багажник переложу!

КОСТИК. Ты чё, с дубу рухнула? Отца родного в багажник!

ЖАННА. Ему всё равно уже! А мне нет!

КОСТИК. Вот говорила мне мать: Анька из столицы другая приехала! Бесы в ней, говорит! Отец умер, а она ни одной слезинки! Я не верил, а вот теперь прямо задумался!

ЖАННА. Я его пятнадцать лет не видела.

КОСТИК. А кто виноват?

ЖАННА. Он даже не позвонил мне ни разу. Когда мама умерла, телеграмму прислал. Похороны такого-то. И всё. Даже хоронили молча. При жизни ни слова, ни полслова. А тут пробило его!

КОСТИК. Я не понял, тебя в смысле глюкануло что ли?

ЖАННА. Не смешно!

КОСТИК. Серьёзно?! Ни хера се! А ты его настойку самогонную не пила случайно? У нас дед один по синьке Брежнева в общественной бане увидел. Пришёл домой, вместо икон бабкиных портрет Леонида Ильича в красный угол повесил и молился ему две недели где-то. Ну, пока из запоя не вышел! Так что и тебя, Анька, отпустит! Прямо отвечаю!

ЖАННА. Смешной типа, да? Сидишь в быдло-тачке своей, Юмор-ФМ слушаешь! Самый умный теперь?

КОСТЯ. А ты чё такая бОрзая?

ЖАННА. А ничё! Бесят меня такие, как ты, Костя! ПТУ в анамнезе, а туда же – жизни учить! Перекладывай тело в багажник, или я никуда не поеду!

КОСТИК. А я тебе носильщиком не нанимался! Хочешь на трассе с трупом ночевать – ночуй! Мне похуй!

ЖАННА. Ну и выгружай тогда! Я щас чего-нибудь покрупнее корыта твоего поймаю!

КОСТИК. Да кто тебя повезёт?

ЖАННА. Да кто угодно! Лишь бы не ты!

Жанна начинает голосовать на дороге. При виде эффектной женщины некоторые машины сигналият, но не останавливаются.

8.

Композиция №3 Ария Ленского из оперы «Евгений Онегин»

КОСТИК. Он мне чё-то сразу не понравился. УАЗ патриот, номера соседнего региона. Знаю я таких патриотов! Остановился – стекло опускает. Улыбчивый, сука! Лет сорок пять, шмотки приличные. Говно какое-то из колонок играет. Анька ему, мол, подвезите девушку – очень надо! И мнётся – сказать про труп как-то надо поаккуратней.

ЖАННА. А как тут скажешь? Можно со мной папа поедет? Только он умер. Всё нормально, я его не убила. Тихо полежит в багажнике – даже не заметите! Короче, стою – слова подбираю. Интеллигентные люди всё-таки – оперу слушают! А Костик, сука, в машину свою сел и свет выключил – сидит, как будто не при делах.

КОСТИК. Анька мнётся чё-то, придумывает. А этот улыбчивый из машины выходит и по спине по меху розовому её гладит. Говорит типа: нормально всё, по цене сговоримся! Я короче, не всё услышал, но жопой чувствую - засада какая-то! А мне щас вообще никуда лезть нельзя – у меня ж условный!

ЖАННА. Я не поняла сначала, что он насчёт цены сказал, ну потому что в голове-то продолжаю думать, как ему про Виталия Семёновича сообщить. А он уже про охоту мне втирает – говорит, кабана в лесу завалили. Русский лес – вообще сила! Не то, что у пиндосов этих за бугром! И чё-то ещё такое патриотичное. Улыбается и к машине ведёт. Нас, говорит двое, деньгами не обидим! И тут до меня доходит, чего он от меня хочет. А он уже дверь переднюю открыл. А там ещё один мужик на заднем сиденье. Я рванулась, а он держит. И продолжает улыбаться, сальной этой своей улыбочкой.

КОСТИК. Тут второй из машины вышел – думаю, пиздец! Щас Аньку в машину затащат, а мне одному с трупом без документов куда ехать? Короче, сучка она та ещё, но вторую половину ещё не заплатила! Так что я взял монтировку и вышел к ним.

ЖАННА. Короче, Костик, конечно, выглядел убедительно с монтировкой... Но этих патриотов же двое было – нос ему расквасили, на землю повалили. Хорошо, что Костик худой и гибкий оказался – как-то вывернулся, в машину и по газам... Едем, молчим. Кровь у него с носа капает. Мне стыдно стало. Ну, что я ему наговорила всего, а он за меня в драку полез.

КОСТЯ. На хера я за неё в драку полез? Сбросил бы труп на обочине и свалил! Нос опять сломали – второй раз за год! Буду опять, как чмошник, с мордой распухшей ходить – ни одна баба нормальная не даст!

ЖАННА. Я просто ощутила какое-то острое чувство благодарности, вот и всё! За меня никогда никто не дрался. Ни в детстве, ни потом.

КОСТЯ. Морда горит, кровичка на штаны капает. Пиздец! Думаю, вот сейчас остановлюсь и высажу её с папашей вместе. И тут она пальцами осторожно так к руке моей прикасается и тихо так говорит: «Спасибо!» И я еду дальше, просто еду и молчу...

ТРУП. *(напеваёт на блатной манер)*

Куда, куда ж вы удалились

весны моей золотые дни?

ЖАННА. Блять! Опять!

9.

Ночь. Морг в райцентре. На железном столе лежит Труп Виталия Семёновича. Жанна старается не смотреть на него, в её больших наушниках громко играет музыка.

ТРУП. Анька! Слышь? Может пожрать чего принесёшь?

ЖАННА. Я ничего не слышу.

ТРУП. Ну нахер мне твой дневник? Ну отличница и молодец!

ЖАННА. Всё нормально, это просто реакция на стресс!

ТРУП. Аань, куда мать бутылку дела?

Жанна снимает наушники.

ЖАННА. Тебе чего надо от меня?

ТРУП. С дочерью за жизнь побазарить.

ЖАННА. При жизни надо было за жизнь базарить, ясно? А сейчас поздно, здесь остаёшься!

ТРУП. Не факт!

Входит улыбчивый Патологоанатом.

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Таак, состояние лица удовлетворительное. Мешочки, синеву поправим. Будет свеженький и румяный.

ТРУП. Ну хоть в гробу красавчиком полежу!

ПАТОЛОГОАНАТОМ. С момента смерти часов пятнадцать прошло? Будем бальзамировать!

ТРУП. Лады!

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Итого: бритье, стрижечка, нанесение макияжа, бальзамирование. Всего двенадцать тысяч рублей.

ЖАННА. Сколько?

ТРУП. А ты не охренел ли?

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Цена средняя по рынку! Можете проверить!

ТРУП. Проверим, не сомневайся!

ПАТОЛОГОАНАТОМ. А хоронить надо красиво! Чтоб потом стыдно не было! А то экономят на всём, а потом к нам же претензии!

ЖАННА. Я смогу его здесь прямо щас оставить?

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Ну конечно сможете!

ТРУП. Двенадцать тыщ, Анька! С ума сошла?

ЖАННА. Оформляйте!

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Свидетельство о смерти с собой?

Жанна протягивает бумажку.

ЖАННА. У меня вот – справка. Экспертиза ещё нужна. Судмед которая.

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Подождите! Это не ко мне, а к Денисенко. А он в отпуске.

ТРУП. Как в отпуске?

ЖАННА. А кто замещает?

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Никто. Он один у нас – город-то маленький. Хороним обычно так, без экспертизы.

ТРУП. Тунеядцы, блять!

ЖАННА. Ну может, вы сами напишете? За него?

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Я не эксперт! Не имею права!

ТРУП. Поехали отсюда, Анька!

Жанна кладёт перед Патологоанатомом пятитысячную купюру.

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Ну не знаю, девушка. На теле синяки и повреждения!

ЖАННА. Так это уже после смерти! Понимаете, мы в ДТП попали...

ТРУП. А кто виноват?

ЖАННА. Да я виновата! Вы напишите только!

Патологоанатом раздумывает, Жанна кладёт ещё две тысячи.

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Отвезите лучше в центральный морг ну или в соседнюю область – туда ближе! Километров 300!

ЖАННА. Издеваетесь? Я к вам двести ехала! С этим вот!

ТРУП. Цыц, женщина!

ЖАННА. *(Труп)* Да хватит уже!

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Это вы кому?

ЖАННА. Ему! Не важно!

ПАТОЛОГОАНАТОМ. Слушайте, мне проблемы не нужны! Забирайте его! Я вам сейчас экспертизу, а потом объявится какой-нибудь родственник... дееспособный! Брат, сват, племянник!

Патологоанатом выходит.

ЖАННА. Да нет у него никого! Только я!

ТРУП. И правда. Только ты...

10.

Композиция №4 Pink Floyd - The Wall

ЖАННА. Помню, играем мы во дворе с подружкой. Я в классе седьмом училась. Она - на год старше: красивая, нарядная. У неё лосины ещё такие розовые были – мать из райцентра привезла. Все девчонки завидовали. И вот отец с работы возвращается. Трезвый, хмурый. Стоит у подъезда - домой меня зовёт. Гулять хочется, но я иду. Боюсь спорить, чтобы не разозлить. А подруга – за мной бежит. И ему такая говорит: «Пусть Аня ещё немножко погуляет!» Тут мне сразу страшно и стыдно стало. Сейчас, думаю, отец грубое что-то скажет, как обычно. А она со мной дружить перестанет. Отец хмурится, бормочет что-то себе под нос. А на первом этаже окна открыты – музыка играет иностранная. И подруга вдруг говорит: «А Вы знаете, что это за песня играет? Pink Floyd - The Wall, слышали?» И он прямо в лицо меняется. Ухмыляется и говорит: «Точно Pink Floyd. Молодец!» Молодец! Чужой девочке, которую он в первый раз видит! Меня он никогда не хвалил. Ни разу в жизни он не сказал мне: Молодец! В тот момент мне отчаянно захотелось вызубрить наизусть каждую композицию на его кассетах! Но трогать музыкальный центр было запрещено... А с той девочкой я больше не дружила. Она не понимала, чем меня обидела. Да я и сама толком не понимала.

11.

Жанна и Костик в машине. Труп тихо лежит на заднем сиденье.

КОСТИК. Триста километров - три тысячи!

ЖАННА. Ладно.

КОСТИК. И деньги вперёд!

ЖАННА. Хорошо

КОСТИК. Могу в багажник его, если хочешь!

ЖАННА. Не надо.

Жанна устало поднимает кофту, достаёт носок с деньгами, отсчитывает и протягивает Костику три тысячи. Кладёт носок обратно.

КОСТИК. Это типа новая мода в Москве такая - носки в трусы заправлять?

ЖАННА. Типа того.

КОСТИК. Зря бабло своё запалила! Я ж вор. Мать, чего, не сказала?

ЖАННА. Сказала

КОСТИК. Не боишься?

ЖАННА. Ну ты ж в трусы мне не полезешь?

КОСТИК. Нужна ты мне!

ЖАННА. Ну поехали тогда!

КОСТИК. Покимарю часок и поедем!

ЖАННА. Не! Вези сейчас, а то или этот протухнет, или я с ума сойду!

КОСТИК. Опять Виталий Семёныч барагозит?

ТРУП. Поговори у меня, сопляк!

ЖАННА. Да не, молчит пока. Машину заводи!

КОСТИК. Я так-то вторые сутки за рулём, Ань! Засну – убьёмся!

ЖАННА. А ты говори чего-нибудь! О себе. Ты же любишь о себе? Вот и Виталию Семёнычу интересно!

ТРУП. Хер там!

ЖАННА. С удовольствием, говорит, послушает!

КОСТЯ. Шибанутая ты, Анька! На всю голову!

ЖАННА. Поехали!

Костик заводит машину, едут.

КОСТИК. Короче, мы с женой в райцентре жили...

ЖАННА. С женой?

КОСТИК. Бывшей. Квартиру снимали, как положено всё. Она работу не могла найти долго, я барменом устроился... Месяц проработал. Зарплата двадцать тыщ, штрафы. Короче, херня какая-то. А у меня друг был. Ну и есть. Он, короче, воровал зеркала с машин. Ну и мне говорит: ну чё, давай типа! А я... ну я боюсь вообще всего, потому что у меня дедушка мент – ну, ты ж в курсе? И все думали, что я по форме пойду! Блин, ну а чё

делать? Ну придётся – семью-то надо обеспечивать. И мы с ним, короче, начинаем вот это. Подходишь к машине, снимаешь зеркала, элементы. Клац, клац! Три секунды и ты снял. Не сами вот эти уши, а зеркальные элементы, поняла?

ЖАННА. Угу.

КОСТЯ. Но они как бы стоят нормально! Мы делали ну я не знаю, штук, наверное, по двадцать машин. День я сплю, ночь мы работаем... Потом в итоге мы уже начинали завязывать с этим. Потому что мы с Полиной, с женой, начали сильно ругаться. Она говорит: ну, если ты не прекратишь, мы реально расстанемся. В итоге короче в один прекрасный момент я выхожу с Полиной с квартиры. И ко мне такие: Константин Петрович? Всё верно. Бах-бах, короче, скручивают! Полина адвоката нашла – условный дали, два года.

Жанна задремала, но Костик этого не видит – он уже вошёл в раж.

КОСТИК. А знаешь, как нас взяли в итоге? Запись с видеорегистратора. Мы зеркала просто у начальника ОМОНа местного сняли. Жены его. Ну мы-то откуда знали, ну реально! Напиши на капоте «жена начальника ОМОНа» – к машине близко никто не подойдёт! Он хотел сам лично нас брать. Нас даже по телеку местному показали... Мне по хую, в принципе. Перед мамой только стыдно... Ань? Ты спишь что ли?

Костик трогает за плечо спящую Жанну. Она не реагирует. Он отвлекается от дороги и засматривается на её спокойное красивое лицо. Тут же наезжает на что-то. Резко тормозит. Жанна просыпается от удара.

ЖАННА. Блять, Костя! Ты заснул что ли?

КОСТИК. Хуже. Сбил что-то.

ЖАННА. Или кого-то?

Костик и Жанна выходят из машины. Стоят возле капота.

ЖАННА. Собака.

КОСТИК. Колесо пробил! Запаску поставлю и поедем!

ЖАННА. Не. Похоронить надо.

КОСТИК. А Виталий Семёныча, значит, не надо?

ЖАННА. Мы быстро. Не на дороге же оставлять?

Костя достаёт сапёрную лопатку из багажника. Пока Жанна идёт в сторону леса, Костя, немного подумав, открывает капот, вынимает провода из аккумулятора и прячет их под водительское кресло.

11.

Композиция №5 Родион Газманов «Люси»

ЖАННА. Я помню: мы всё время с ним мечтали о собаке. Ну как мечтали? Я хотела собаку, он тоже. Общих тем у нас в принципе не было. Но иногда он подзывал меня к себе и гладил несуществующего пса средних размеров. Мне нравилось смотреть, как он мечтает. Казалось, что это были единственные минуты, когда он был такой живой что ли.

Всё остальное время он мало улыбался, когда был трезвый. В семье ему вообще было как-то очень сложно находиться. Пытался скрыться, спрятаться. В телевизор, в бутылку... Когда выходил из запоя, мама закрывала в спальне дверь. Говорила: тише, тише, папа устал, папа отдыхает, не мешай ему. Или ещё: отнеси папе поесть! Ему будет приятно. Никто никогда не спрашивал, будет ли приятно мне.

ТРУП. Жоорик, хорооший пёс! Жора, лапу дай! Дай лапу, дебил! Хорошо!

ЖАННА. Он всё-таки купил собаку – овчарку немецкую. Жориком назвал. Сначала сам возился, даже пить бросил на какое-то время. А потом надоело, видимо. Жорик вырос огромным и дурным. Бросался на прохожих, гадил по углам – был неудобным, лишним в доме. Как и я. Я любила его, часто сидела в темноте коридора с ним в обнимку – с таким дурным и несчастным. А потом отец стал использовать Жорика, чтобы выйти из дома. Мать бутылки прятала и на улицу не пускала, чтобы протрезвел. А тот рвался на свободу – пойду, говорит, с собакой гулять! А мать говорит: Аня с тобой пойдёт! И вот я иду, на улице снег мокрый, противный. Отец Жорика у кафе привязывает: жди, говорит. Щас вернусь... И я стою на холоде под снегом. Я не плачу, телефонов мобильных не было тогда – не позвонишь никому. В кафе зайти тоже не решаюсь. Просто стою и жду. Я бы наверное всю ночь так простояла, если бы он заснул в кафе этом. Он выходит через час, может через полтора. Или мне кажется, что прошло так много – в детстве время тянется бесконечно. Прихожу домой – ноги мокрые. Болею потом долго. Мама больше не пускает меня гулять с ним...

Вообще я мало что хорошо помню из детства. Но эту ночь я запомнила в деталях: снег, свет фонаря, Жорик и тоска, которая медленно заполняет меня изнутри и лишает воли.

12.

Жанна стоит над свежим холмиком с лопатой в руках. Костик мнётся рядом.

КОСТИК. Холодно. Пойдем уже?

ЖАННА. Давай ещё постоим.

КОСТИК. Может, ещё речь толкнём за упокой?

ЖАННА. Речи - это в фильмах американских, а у нас молча всё. Но ты скажи, если хочешь.

КОСТИК. А чего я?

ЖАННА. Ну это ведь ты её сбил!

КОСТИК. Может, она давно лежала?

ЖАННА. Вообще-то не похоже.

КОСТИК. Не знаю, чего говорить. Я ни разу на похоронах не был.

ЖАННА. Повезло.

КОСТИК. В смысле не потому, что не умирал никто. Просто как-то в школе мать не пускала. А потом типа я и сам не ходил.

ЖАННА. Почему?

КОСТИК. Ну мёртвым же всё равно.

ЖАННА. Уверен?

КОСТИК. Не знаю... В детстве, когда бабушка умерла, мне не говорили долго. Лет пять может мне было. Она по отцу – в соседней деревне жила. И вот месяц где-то прошло после похорон. Снится мне комната светлая такая. Ну обычная типа. И в ней бабушка. Окно в комнате открыто, и она на подоконнике сидит - ногами болтает. А за окном картинка какая-то знакомая – море, пальмы. Я говорю: бабуль, ты аккуратней – высоко же! А она говорит: не бойся, Костик, там хорошо. И вниз спрыгнула. Я проснулся, матери рассказал. А она мне говорит - в раю теперь твоя бабуля.

ЖАННА. Море и пальмы, значит? Как в кино?

КОСТИК. Не, не в кино. Я потом только понял, где я видел эту картинку. Реклама шоколадки. Баунти. На автобусной остановке нашей висела. Так что может и нет никакого рая.

Молчат.

ЖАННА. Я на море только один раз была – в Анапе.

КОСТИК. А я ни разу. Воровал когда – все откладывал. Хотел в приличное место Полинку отвезти. Типа того, которое на картинке от Баунти. Обломался!

ЖАННА. Она тебя бросила, да?

КОСТИК. Сразу после суда. Ушла к перспективному с квартирой. А там мальчик... одуванчик просто. Я говорю: Полин, я всё понимаю! Но вот это я вообще не понимаю!

Жанна берёт Костю за руку. Они несколько секунд стоят молча, не двигаясь.

КОСТЯ. Короче... Прости, Бобик! Земля тебе пухом, брат!

13.

Композиция №6 «Богородице Дево», Дивна Любоевич

В детстве я знала только одну молитву – Богородице. В церкви была один раз всего – на крещении. Бабушка лет в десять отвела и покрестила. На листочке написала две молитвы: Отче наш и Дево радуйся, иконки купила. Я поставила на полку только её, Богородицу. Иисуса не стала. Мне казалось, что он же мужчина – он меня не поймёт. И выучила Дево радуйся наизусть. Каждый вечер перед сном я читала её три раза и просила за него: чтобы излечился и пить бросил. Каждый вечер, пока школу не закончила.

А зимой, когда темнело, я часто стояла на пустой улице, задрал голову. И, клянусь, слышала, как будто кто-то поёт на небе мою молитву. Нечётко, комкая слова, но поёт. Мама говорила, что это ветер просто. Но я хотела точно знать, что она слышит. И поможет, нужно просто продолжать просить. А когда в Москву уехала, не слышала больше. Ни разу. Шумно очень - город всё-таки.

14.

В машине. Костя пытается завести мотор – не заводится.

КОСТЯ. Аккумулятор сел, сука.

ЖАННА. С чего?

КОСТЯ. Свет в салоне кто-то не выключил!

ТРУП. Анька, опять ты? Бестолочь!

ЖАННА. Нас полчаса всего не было!

КОСТЯ. Тачка старая – ей много не надо!

ТРУП. А не хера хоронить кого попало, пока отец не похороненный!

ЖАННА. И что делать?

КОСТЯ. Ждём попутки прикурить.

ЖАННА. Трасса пустая – три часа ночи!

КОСТЯ. Заночуем, значит.

ЖАННА. Ночью минус вообще-то!

КОСТЯ. Будем греться!

Костя достаёт из бардачка бутылку водки.

ТРУП. Водка - зло, Анька!

ЖАННА. А ты не завидуй!

КОСТЯ. Чего?

ЖАННА. За тебя, говорю, Костик!

Жанна хватает бутылку у Костика и пьёт прямо из горла. Труп включает магнитола. Из динамика доносится Хулио Иглесиас. Жанна тычет в кнопку выключения, но мелодия продолжает играть.

КОСТИК. Ань, ты чего? Без аккумулятора не работает!

Жанна бьёт ладонью по магнитоле.

ЖАННА. А ты не слышишь что ли?

КОСТЯ. Чего?

ЖАННА. Да музыку эту его мудацкую!

КОСТЯ. Ооо, Аньке больше не наливать!

ЖАННА. Да идите вы!

Жанна выходит из машины с бутылкой в руках, хлопает дверью. Пьёт. Костя выходит за ней, отбирает бутылку.

КОСТИК. Ей, потише давай!

Костик снимает с себя куртку и набрасывает Жанне на плечи.

ЖАННА. Знаешь, Костя, зачем я сюда приехала?

КОСТЯ. К отцу.

ЖАННА. Дом продать... Он сам позвонил. Никогда не звонил, а тут – телефон достал где-то. Завещание, говорит, оформил. Плохо совсем. Приезжай – похоронишь. Я на два часа опоздала. Он умер уже. И я прям обрадовалась. Что притворяться не надо близкими людьми – за руку держать, говорить что-то. Наконец-то, думаю, отец все проблемы мои разом решит, хоть раз в жизни!

КОСТЯ. Проблемы?

ЖАННА. Я денег должна. Много.

КОСТЯ. Кому?

ЖАННА. Приставы, коллекторы – не знаю! Я в Москве в дорогом бутике работала. Расхерачила там витрины, все костюмы порезала. На складе тоже.

КОСТЯ. Зачем?

ЖАННА. Потому что есть вещи, которые нельзя прощать!

Костик задумчиво выпивает.

КОСТЯ. А я думаю: жизнь – это бумеранг, Анька! Ты не простил – тебя не простили.

ЖАННА. А ты, значит, всех простил?

КОСТЯ. Всех.

Молчат.

ЖАННА. А помнишь, как ты семилетний на холодном балконе запертый часами сидел?

КОСТЯ. Давно было. Чего вспоминать?

ЖАННА. Он ведь даже не родной отец тебе был!

КОСТИК. Ну был и сплыл!.. Я на том балконе в половик старый заворачивался. Банки с заготовками на зиму лопал. И огурцы солёные на удочке тебе на нижний этаж спускал.

ЖАННА. А я огурцы снимала и конфеты на леску привязывала.

КОСТИК. Белочка

ЖАННА. Мои любимые.

Костик целует Жанну, она прижимается к нему. Костя сбрасывает с Жанны куртку, холодными пальцами трогает её кожу под кофтой. И им совсем не холодно сейчас. Жанна забирается на капот. Садится на крышу машины Костика. Костя забирается следом за ней, жадно целует, задирает ей юбку. А Жанна всё смотрит в небо. Ей снова кажется, что, как в детстве, она слышит голоса.

15.

Композиция №7 Колыбельная «Серенький волчок»

ЖАННА. Я в Москве в дорогом бутике работала. Хорошее место – костюмы мужские, публика приличная. Весной меня владелец повысил до старшего менеджера. Я ему отчётность домой возила. А что? Приличный мужик – за пятьдесят. Никогда ни намёка, ничего. А тут он говорит: хочешь чаю? я пирог испёк. Я ни разу мужика, который бы что-то своими руками приготовил, не видела. Ладно, говорю. Он напротив садится и сок из стакана пьёт. Повернулся неловко и на себя пролил. Я салфетки ему протягиваю, а он такой: ты ешь, а я щас в стиралку запихну. И выходит из ванной в банном халате. Ничего, говорит, что я по-домашнему? Ничего говорю. Нормально. А он садится, продолжает о работе тереть что-то. И тут я понимаю, что под халатом-то у него ничего нет. Ну то есть совсем. Распахнулся халатик, а там член его болтается. Случайно как будто. Ну я, как воспитанная, стараюсь не смотреть туда. Сижу, продолжаю дела в магазине обсуждать. И разговор как-то всё в тупик уходит. Тут я, конечно, не выдерживаю и говорю: Сергей Семёныч, Вы уж как-то слишком по-домашнему! И киваю ему на причинное место. А он не смутился даже – мы с тобой, говорит, как нудисты на пляже чай с пирогом пьём, да? Только вот ты в платье, а это неправильно. И начинает трогать себя... Мне так противно стало. А сказать ничего не могу – сижу, как парализованная! Он меня раздевает, а я всё думаю: сама виновата, бестолочь! Домой приехала, пироги его ела... И тоска, какая-то знакомая тоска изнутри заполняет...

Он вызывал к себе раза по три в неделю, премии выписывал. А через пару месяцев меня прямо в бутике перед клиентом стошнило – в примерочной. Сергей Семёныч сам в больницу отвёз – выскребали долго, срок уже большой был. Врачи улыбочивая такая. Приходите ещё, говорит! Я после этого совсем поехала – клиентам стала хамить, выручку считать не могла... Она мне каждую ночь снилась – девочка лет пяти с серыми глазами. Я сижу перед зеркалом – сморщенная старуха, а она волосы мои седые в косы заплетает. И моя красота и сила теперь у неё внутри.

16.

Утро. Пошарпанная остановка на трассе. На лавке завернувшись в куртку Костика, спит Жанна. Рядом – Труп. Он осторожно гладит Жанну по волосам.

Жанна ворочается и просыпается. Тревожно осматривается. Бежит на трассу, но ни Костика, ни его машины нигде нет. Она ощупывает себя, но закладки с деньгами тоже нет. Роется в сумочке, вытряхивает её содержимое на лавку.

ТРУП. Нет больше денег. Не поняла ещё?

ЖАННА. Может, он на СТО уехал? Просто будить не хотел!

ТРУП. А деньги спиздил, чтобы другие не обокрали?

Жанна пытается набрать Костю на мобильный. Сбрасывает. Набирает снова.

ЖАННА. Не доступен абонент. Сука!

Труп молчит.

ЖАННА. Ну чего ты молчишь? Давай - поглумись!

Труп молчит.

ЖАННА. Взрослая! Приехала проблемы решать! И где я теперь? С трупом на остановке в хуево-куево!

Труп молчит.

ЖАННА. Знаешь, что я сделала первым делом, когда из дома съехала? Паспорт поменяла! Я ничего от тебя оставлять не хотела! Ни имя, ни фамилию! И вот круг, сука, замкнулся! Я такая же неудачница, как ты! Нет, хуже – я в квадрате! Это просто твой генетический код во мне сработал!.. Бестолочь!

ТРУП. Нет

ЖАННА. Тварь безголовая!

ТРУП. Нет

ЖАННА. Сама виновата!

ТРУП. Хватит! Сопли утри и лови машину!

ЖАННА. Чего?

ТРУП. Он на запаске – далеко не уехал.

ЖАННА. В смысле? Мне все дороги по области обыскать?

ТРУП. В полицию дуй давай – у него срок условный! На учёте, значит.

ЖАННА. Если из области свалит – реально посадят.

ТРУП. Тютя твой Костик: не найдёшь – всё равно к мамке прибежит! Тачку лови давай!

ЖАННА. Да кто меня с трупом повезёт?

ТРУП. Я тут подожду. Мёртвые не мёрзнут!

Труп ложится на лавку, сложив руки на груди, как ему и положено. Жанна некоторое время не решается уйти.

ТРУП. Чё стоишь? Иди давай!

Жанна уходит.

17.

Заправка на трассе. Костик меняет запаску на новое колесо. Рядом с ним останавливается автомобиль с надписью «полиция», из которого выходит Полиционерка – крепкая молодая женщина в форме. Говорит по телефону.

ПОЛИЦИОНЕРКА. И скажи гандону этому, что прикрывать я его больше не буду! Напарник херов!

Сбрасывает вызов. Рассматривает Костика. Костик испуганно замирает.

КОСТИК. Здрасьте!

ПОЛИЦИОНЕРКА. Отвечаем, не думая: Макконахи или Харельсон?

КОСТИК. Как мужчина в смысле?

ПОЛИЦИОНЕРКА. Не думая!

КОСТИК. Макконахи... наверное...

ПОЛИЦИОНЕРКА. Ответ не верный! Документы ваши!

КОСТИК. Ну это кому как нравится вообще-то...

ПОЛИЦИОНЕРКА. Харельсон – мужик, я считаю! А Каменьков говорит, что я извращенка! Ну не мудака?

КОСТИК. Однозначно!

ПОЛИЦИОНЕРКА. Документы где?

КОСТИК. Слушайте, я тороплюсь просто... Может, мы как-то...

ПОЛИЦИОНЕРКА. Суетишься много! В машину давай!

Костик обречённо достаёт барсетку, оба садятся в полицейскую машину. Костик протягивает Полиционерке документы. На заднем сиденье в машине сидит Жанна, но взволнованный Костик её не замечает.

ПОЛИЦИОНЕРКА. Таак... Регион соседний, а срок у тебя условный, Константин Иваныч!

КОСТИК. А как вы так быстро-то?

ПОЛИЦИОНЕРКА. Ориентировка на тебя пришла. За границы области выехал? Деньги у пассажирки украл. А это уже рецидив! Так что сидеть тебе долго и счастливо, я думаю. Лет пять-семь, может, дадут. Как тебе такое? Будешь знать, как женщин одиноких обворовывать! Руки давай!

Полицейска надевает на Костика наручники.

ЖАННА. Подождите! Я передумала!

КОСТЯ. Анька?

ПОЛИЦИОНЕРКА. Нет уж, дорогая моя, это так не работает!

ЖАННА. Он не воровал - мы поссорились просто!

ПОЛИЦИОНЕРКА. Жалко стало, да? Чё ты его, мудилу, жалеешь? Он тебе сегодня цветочки, вино, сериалы в кровати, а завтра на дежурство не вышел! Знаем таких!

ЖАННА. Я могу заявление забрать?

ПОЛИЦИОНЕРКА. Заявление можешь. А нарушение установленных ограничений на условном сроке – это однозначно залёт! Так что ты выходи давай. А мужика твоего я забираю!

ЖАННА. Сорок тысяч!

ПОЛИЦИОНЕРКА. Чего?

ЖАННА. Больше нет. Но это налом.

ПОЛИЦИОНЕРКА. Ты дура совсем? Щас и тебе статью пришью!

КОСТИК. Да ладно, шутит она! Ань, выходи давай!

ПОЛИЦИОНЕРКА. погоди! Какой размер у тебя?

ЖАННА. Второй. А что?

ПОЛИЦИОНЕРКА. Да не груди – шубы?

ЖАННА. Подходящий.

Жанна снимает меховую жилетку и кладёт на сиденье.

ЖАННА (Костику). Деньги где?

Костя протягивает Жанне барсетку. Она достаёт свои деньги и отдаёт Полиционерке. Та нехотя снимает наручники с Костиных рук.

ПОЛИЦИОНЕРКА. Бросит он тебя скоро! И не говори потом, что я не предупреждала!

Жанна и Костя выходят из машины, та уезжает. Они остаются стоять на холоде без верхней одежды.

КОСТЯ. Ань, я...

ЖАННА. Завали и слушай. Ты мне должен теперь и поэтому сейчас мы заберём отца. И ты повезёшь его бесплатно, куда я скажу. А, если ещё раз дёрнешься, на следующем ДПС я ментам скажу, что это ты его убил! Понял?

КОСТЯ. Понял.

Жанна садится в машину Костики, демонстративно громко хлопнув дверью. Костя садится за руль. Машина уезжает с заправки.

18.

Композиция №8 Эннио Морриконе Mille Echi из к/ф «Спрут»

Я хорошо помню отца молодым, он носил круглые солнечные очки и длинное чёрное пальто. Мать ещё в девяностые привезла из райцентра. Пальто она берегла – чистила и вешала в шкаф в коридоре. Когда никто не видел, я забиралась в шкаф и заворачивалась в это пальто – оно пахло сигаретами и дешёвым одеколоном отца. Каждое утро я смотрела на него через окно. Как он уходил на работу – высокий и красивый, в том самом расстёгнутом пальто, как киногерой. Перед поворотом он всегда оборачивался и смотрел в моё окно. Я прижималась лицом к холодному стеклу, махала ему ладошкой. А он просто уходил. Ни разу не помахал в ответ. Как будто не собирался возвращаться.

19.

Морг. Костик и Жанна сидят на кушетке. Рядом на каталке лежит Труп. Долгое молчание.

КОСТИК. После этой всей херни с условным сроком ну и сюжетом на телеке, я домой приехал. К матери. И вот пацан со мной дружил хорошо, Антон. Ну такой хороший пацан. Я возле его дома припарковался, и звоню ему, говорю: ну чё ты где ты? Он говорит: да меня нету – я по делам уехал. Я говорю: а, ну ладно! Сижу жду. И он как раз из дома выходит. Через стекло посмотрел на меня так и отвернулся. Ёб твою, думаю, ну ты чё? Я те чё-то сделал плохого? Ну просто ладно, без всяких этих подойди-скажи, блин, Костян, нам не стоит там. Ну мы ж все люди...

ТРУП. Бла-бла-бла!

ЖАННА. Это щас к чему?

КОСТИК. Ну просто все от тебя хотят что-то. Если можно с тебя чего-то поиметь, то ты друг. Если нет ничего, то ты не нужен... А ты за меня вписалась.

ЖАННА. Пожалела.

ТРУП. Дура душой!

КОСТИК. Я отдам...

ЖАННА. Наворуешь?

КОСТИК. Займу у кого-нибудь.

ТРУП. Пиздит как дышит!

ЖАННА. Не надо ничего!

КОСТИК. Гордая типа? А на что отца хоронить будешь?

ТРУП. Хороший вопрос, кстати!

ЖАННА. Не твоё дело!

Из кабинета выходит Санитар.

САНИТАР. Чистяков ваш?

КОСТИК. Наш!

ЖАННА. Мой.

САНИТАР. Справка в пятом кабинете.

Санитар снимает с тормоза каталку с Трупом.

ЖАННА. Умер-то он от чего?

САНИТАР. Да сердце по-моему. Ничего интересного!

ТРУП. Как жил, так и умер.

Санитар увозит каталку, Жанна и Костик вдвоём.

КОСТЯ. Ну что, в пятый кабинет?

ЖАННА. Знаешь, Костя, у меня в Москве собака была, дворняжка. Кобель такой мелкий, некастрированный. Запрыгнет мне на ногу и наяривает. А я не прогоняю – знаю же, что не может ничего. Жалко его просто. Вот и с мужиками у меня так.

КОСТЯ. Давай хоть до дома доброшу.

ЖАННА. Сама доеду!

Жанна уходит.

20.

Композиция №9 Линда «Мало огня»

ЖАННА. Прямо перед отъездом в институт отец повёз меня в обувной магазин в райцентре. Пьяный был, конечно. С продавщицами мерзко флиртовал. Ботинки выбирал долго – наслаждался. Типа: вот, посмотрите, для дочери ничего не жалко! А мне провалиться хотелось, исчезнуть. Всё время, пока я застёгивала замочки эти, клёпочки.

Так вот в том магазине играла кассета Линды. Помнишь, такая песня у неё есть «Мало огня». Гнусавая такая. Я потом в институте в караоке с подружками ходила, и пьяная всё время почему-то её заказывала.

КОСТИК. Самое главное в нашей жизни – это время. И кому ты его уделяешь. Всё можно изменить, кроме одного: назад время нельзя вернуть. И когда ты человеку просто звонишь... или звонишь. Как там правильно? Меня всегда поправляют: звонишь, да? Или звонишь? Не важно, смысл остаётся тот же! Ты же тратишь на него своё время. Всегда есть время на человека. Ну то есть абсолютно всегда! Минута, час, день – не важно! Ты, ну, приоритеты расставляешь. Ты говоришь: да вот у меня не было времени позвонить. Как это у тебя не было времени? У тебя ж было время пойти поесть-поссать, ещё что-нибудь. Как это ты время не можешь найти? Лично моё мнение... Я так себе вообще собеседник на самом деле.

21.

Крематорий. На ленте – закрытый гроб. На нём сидит Труп. Жанна кутается в кофту – в помещении холодно. Она явно рассержена, не смотрит в сторону гроба.

ТРУП. Вообще я атеист, но крематорий!..

ЖАННА: А где мне деньги было взять?

ТРУП. Гореть тебе, папа, в аду, конечно! Но хочется увидеть своими глазами! Насладиться, так сказать?

ЖАННА. Хотела кредит взять на похороны - так квартира в залоге у тебя. У соседей ходила – побиралась!

ТРУП. Зато уголовника своего отмазала!

ЖАННА. Я в полной жопе, ясно? Ни денег, ни квартиры!

ТРУП. А кто виноват?

В помещение входит тётка-сотрудница крематория. Правда, она скорее похожа на работницу ЗАГСа – яркий макияж, классическая хала на голове. Молча садится за синтезатор и начинает наигрывать «Аве Марию».

ТЁТКА. Сегодня мы прощаемся с Чистяковым Виталием Семёновичем!

ТРУП. Ох, блять!

ЖАННА. А я музыкальное оформление не заказывала!

ТЁТКА. Не волнуйтесь. Это включено в базовый тариф

ЖАННА. Композицию можно сменить хотя бы?

ТЁТКА. В принципе можно музыкальные предпочтения усопшего. Но это за дополнительную плату плюс надо было заранее обговорить.

ТРУП. Мурку давай!

ЖАННА. Может, помолчишь?

ТЁТКА. Не сбивайте, женщина, у меня сценарий! Виталий Семёнович ушёл внезапно, но оставил в нашей памяти только самое лучшее!

ЖАННА. Точно! Самое!

ТЁТКА (*продолжая играть*). Обратите внимание на икону Владимирской Богоматери в дальнем углу зала. Вы можете приобрести свечи и поставить их за упокой души усопшего. По ценам ориентирую.

ЖАННА. Давайте закругляться уже!

Тётка прекращает играть.

ТЁТКА. Можете проститься с усопшим.

ТРУП. Ну чего? В лобик батьку поцелуешь?

ЖАННА. Гроб закрытый.

ТРУП. Ну поплачь что ли для приличия. А то не по-людски как-то.

ЖАННА. Не хочу

ТРУП. Попляши тогда! На отцовских костях-то, а?

ЖАННА. Музыка кончилась.

ТРУП. Щас всё будет!

Труп спрыгивает с гроба, громко наигрывает на синтезаторе бодрый блотняк «Жиган-лимон»

ТРУП. Я в детстве подружился с сигаретой, бывало, по карманчикам шмонал.

И папа ремешком лупил за это, но я тайком как прежде воровал.

Меня девчонки рано полюбили и с вечеринок пьяного вели.

Однажды было - чуть не посадили, за что жиган-лимоном нарекли.

Синтезатор продолжает играть мелодию уже без помощи исполнителя. Труп поёт, танцует на крышке гроба. Жанна выдёргивает провод синтезатора из розетки.

ЖАННА. Хватит!

ТРУП. Смотри, Анька! Совесть замучает – во сне к тебе буду приходить!

ЖАННА. Не будешь – мне сны с детства не снятся. Завтра уеду из жопы этой в Москву – на новую работу устраюсь. Буду стоять – улыбаться в дорогом магазине среди красивых людей.

ТРУП. Да кто тебя возьмёт-то теперь? Куда? Семечками на вокзале торговать?

ЖАННА. Зачем я вообще к тебе приехала?

ТРУП. Потому что нет у тебя больше никого, Анька.

ЖАННА. Я не хочу тебя больше слышать. Понял?

ТРУП. Понял.

ЖАННА. Хватит!

ТРУП. Хватит...

ЖАННА. Тебя уже нет!

ТРУП. Меня уже нет... Есть только ты...

Жанна быстро выходит из зала.

22.

Жанна в квартире отца. Пытается застегнуть свой чемодан: садится на него сверху, дёргает молнию – ничего не выходит. Наливает себе водку в рюмку, пьёт. Очевидно, это уже не первая её рюмка сегодня. Щёлкает замок входной двери. Входит Костя.

ЖАННА. Стучать не учили?

КОСТЯ. Я за телеком. Мать попросила.

ЖАННА. Ну выноси. Чё стоишь?

КОСТЯ. Собралась уже?

ЖАННА. Нет, блять, решила остаться в вашей жопе! Выйду за тебя замуж, Костик! Детей-нищевродов нарожаем! Нормальный план?

КОСТЯ. Напилась что ли?

ЖАННА. А тебе-то что?

КОСТЯ. Мать поминки завтра собирает

ЖАННА. Молодец! Удачи! У меня автобус через час!

КОСТЯ. Никуда ты не поедешь. Проспишься, помянешь.

ЖАННА. А ты кто такой, а? Самый умный? Хочешь квартиру мою отжать? А отжимать нечего! Всё в залоге, блять! Всё!

КОСТЯ. В залоге, да? Ладно! Ну тогда, может, шмотьё какое найду-заберу? Я не гордый – чё там у Виталия Семёныча осталось?

Костя открывает шкаф, выбрасывает оттуда шмотки. Натягивает на себя всё, что понравилось.

КОСТЯ. О, ботинки кожаные! Новые почти! У тебя же мужика нет – подарить некому! Я возьму! Чё там ещё? Пальтишко? Моль поела, но в целом покатит!

ЖАННА. Положи на место!

КОСТЯ. А чего не так-то, Аньк? Или как там тебя? Жанна? Блядское имя – не кажется?

ЖАННА. Пошёл вон из моей квартиры!

КОСТЯ. Да с удовольствием!

Костя хватает в коридоре ключи и запирает квартиру снаружи.

ЖАННА. Мудила!

Жанна наливает себе ещё, пьёт. Собирает с пола разбросанные Костиком вещи отца. Замечает в шкафу на полке подставку со старыми кассетами. Вытаскивает одну, вторую, ломает подкассетники, вынимает магнитные ленты, запутывается в них. Внезапно сквозь грязное стекло в окне она видит молодого отца в длинном пальто. Он всё также идёт по двору до поворота, как в детстве.

ЖАННА. Стой...

Жанна стучит в стекло, дёргает старую защёлку оконной рамы, но та не поддаётся. Она бежит к выходу – дёргает ручку входной двери - закрыто, барабанит кулаками. Шарит по тумбочке – ключей нет. Снова бежит к окну.

ЖАННА Подожди!

Жанна дёргает защёлку ещё и ещё. Окно поддаётся. В комнату залетает холодный ветер. Жанна громко кричит в открытое окно.

ЖАННА. Папа!!

Слабые руки Жанны, алкоголь в крови и скользкий карниз. Она высовывается из окна слишком далеко. И вот-вот упадёт, но видение не исчезает. Неожиданно её обхватывают знакомые руки в потёртом пальто. Жанна прижимается к груди Костика и видит, как её молодой отец останавливается у поворота. Он смотрит в её окно и долго машет Жанне рукой на прощанье.

КОНЕЦ

Сентябрь-ноябрь 2020 год